

В начале второго семестра учебы во ВГИКЕ Алла сама подошла к Вадиму. Стала репетировать в паре — и пантомиму, и танец. Прислонялась Алла близко — горели васильковые глаза, и дыхание ее было легким, порывистым...
 Много ли мальчишке надо?.. Уже и руки дрожат, в карман за сигаретой тянутся — чтобы, значит, нервное напряжение сбить.
 "Все, пойдю покурю", — режет Вадим.
 И в коридор бросается — как в ледяную прорубь.
 А Алла смеется: "Что же ты, Вадик, так часто курить от меня бегаешь?.."
 — И пошли тут между нами флюиды, засверкали разом. Откуда? Зачем? — удивляется и сейчас Захарченко. — Мы еще друг над другом подтрунивали: любовь, любовь... Сами шутили, а уши красные. Аллочка легко краснела. Это она меня выбрала. Выбирает всегда женщина. От нее зависит, каким будет роман и будет ли он вообще...
 Они были словно две точки, которые соединяла прямая — их любовь. А потом появилась третья точка — лишняя.
 И прямая стала треугольником.

Некрасивая девочка

В Институт кинематографии Вадим поступил в 1948 году, после трех лет учебы в Одесском мореходном училище. Курс набрала семейная пара — режиссер Сергей Герасимов и его жена, "Хозяйка Медной горы" Тамара Макарова. Это был их первый московский набор после студентов, снявшихся в "Молодой гвардии".

Вадим и Алла: временами она будто светилась изнутри.

"ЭТО БЫЛА

НЕВОЗМОЖНАЯ Первый и последний мужчина Ларионовой заговорил

Вадима Захарченко всегда любили красивые женщины.

Вдоль стены на скамеечках сидели звезды кинематографа, специально пришедшие понаблюдать за экзаменом. — Марина Ладина, Татьяна Окуневская...
 — "Дрожжемент" у меня начался, мурашки по всему телу — как же, такие люди слушать будут! — рассказывает Вадим Захарченко. — И пошел я вдоль скамеечек, улыбаясь глупо, чуть ли не пальцем в каждую артистку тыча и приговаривая: "Ой, кто это? А это?.. А я вас всех зна-аю-ю!"
 Звезды расхохотались: "Давай, морячок, иди сюда! Ты нам подходишь!"
 А в углу, у двери, тихо плакала пухленькая, кудрявая абитуриентка с румянцем во всю щеку. Герасимов ни в какую не хотел принимать ее в артистки: посчитал, что слишком некрасива. "Нет, ну ты посмотри, какие у нее глаза хорошие!.." — упрасивала мужа Макарова. Режиссер всегда прислушивался к советам жены.
 В конце концов эту девочку — Аллу Ларионову — зачислили.
 — Я помню ее тонкие, пушистые волосы, которые никак не хотели укладываться, — вспоминает Вадим Захарченко. — Потом, на съемках, гримеры прировняли ее взбивать их в высокую прическу с шиньоном. А тогда Алла сильно переживала по этому поводу. Она ведь еще не превратилась в ослепительную красавицу, из-за которой сойдет с ума весь мир. И все-таки временами в Аллочке ощущалось что-то эдакое — она словно... светилась вся изнутри.

Вадим с Аллой почти не расставались: играли в одних отрывках, до ночи блуждали в Сокольниках... Голодные, бедные, безвестные — и так им было хорошо и легко вместе, как может быть хорошо только очень юным и очень чистым людям.
 Именно Вадим стал названным мужем Аллы, ее первым мужчиной.
 — В 20 лет я был полным дураком. Возомнил, что никогда не потеряю голову от любви и не женюсь. Да и Аллочке не говорил о своих чувствах, — вздыхает Вадим Викторovich, — но она от меня особых признаний и не требовала. Все у нас было хорошо, покойно. Скорее другом ей был, чем любовником. Даже не поссорились ни разу.

Но если любовь слишком легко далась, то и теряешь ее без боли.
 Есть такое забытое понятие — женщина-манок. Поминат и бросит. А ты мещешься, ищешь ее. Каждая женщина для кого-то такой манок, а для кого-то — прилипала...
 По ночам Вадим со своим соседом по комнате, худеньким парнишкой из Борисоглебска, выгуливал из вагонов мешки с углем.
 Звали соседа Колькой. Николаем Рыбниковым.

Любовь вскладчину
 — Каждая женщина для кого-то прилипала, а для кого-то — манок, — повторяет Захарченко. — Колька полюбил Аллочку сразу — до слез, до бессонницы. Это было безумие, которое он и не пытался скрывать. Может, он и со мной подружился, чтобы к ней быть поближе. Только она с ним быть не хотела.
 Николай плакал в подушку. Из-за Аллы. Вадим даже просыпался от его всхлипываний. "Ты что, с ума сошел? — крутил пальцем у виска. — Ну хочешь, я ее тебе отдам?"
 Колька, красный весь, шептал надрыно: "Нет, этим ты ее убьешь!"
 И стали они бродить вдвоем: он, она и третий лишней. Кто знает, каких душевных сил стоил Рыбникову этот "тройственный союз"...

Как-то Вадим возвратился вечером в общежитие, а у Кольки в руках веревка. Вешаться собрался — от несчастной любви. Вадим его из петли вытащил. По морде дал: остынь, мол.
 — Не знаю уж, каким Колька больше был — талантливым или сумасшедшим! Он во всех своих фильмах сыграл любовь к Ал-

ЛЮБОВЬ ВСКЛАДЧИНУ...

Алла позвонила за день до смерти. "Здравствуй, Вадик! Я себя совсем плохо чувствую. Взгрустнулось что-то. — Он вслушивался в изученные десятилетиями интонации. — Помнишь нашу с тобой институтскую присказку: старая любовь не ржавеет! Теперь я убедилась: это правда. Ну да ладно, позвоню на днях".

Не позвонила. 25 апреля народной артистки, кинозвезды и первой красавицы 50-х Аллы Ларионовой не стало. Она ушла тихо, во сне, так же, как десять лет назад умер ее муж, артист Николай Рыбников. Они прожили вместе 30 лет и 3 года — как в сказке. Но была в ее жизни другая история, другая страсть. Первая любовь — тоже сокурсники Вадим Захарченко. Они родились в один день, 19 февраля. И, может быть, поэтому понимали друг друга с полуслова. "Смертельный тройник" — так называют эти отношения актер Вадим Захарченко.

Да и не любовь это была — мания, болезнь, — Захарченко задумывается. — Сначала Алла от него бегала, потом — жалеть стала, адвокатом его передо мной выступала. Я не ревновал ее, нет. Каждой женщине должно быть приятно, когда ее так боготворят...
 На последнем курсе Захарченко и Рыбников чуть не стали "врагами народа". Отсылали старый радиоприемник, приладили к нему провода и поставили из себя в комнате. Рыбников, прчась в шкафу, "вещал" перед однокурсниками голосом Левитана: снижал цены на продукты, награждал Сталинской премией... Скандал во ВГИКе был жуткий. Ребята едва не выгнали из института. Но потом все утихло.

Эта история была положена в основу фильма Петра Тодоровского "Какая чудная игра". В отличие от реальных событий, в кино персонажа, прототипом которого был Рыбников, расстреляли в подземельях Лубянки.
 — А в жизни грустно закончился наш с Аллой роман, — говорит Захарченко, — это была невозможная любовь, вскладчину.
"Тройник", особенно такой, как наш — смертельный, больной, — он всегда за гранью жизни и смерти.
 Я устал от Аллы, от Колькиных закидывов — вот и решил покончить со всем разом. Я виноват, я один. Бросил ей на прощание: "Давай останемся друзьями!" Думал, что так будет проще. Алла еще долго страдала, любила меня сильно. А потом... словно заморозил ее кто: другой она стала. Гордой, сильной — у такой все мужчины на длинном поводке.
 За московской девочкой Аллочкой — наивной и живой — захлопнулась дверь. Все чувства остались по другую сторону экрана. И в историю кино она вошла уже иной женщиной: соблазнительной "Анной на шее", заносчивой Оливией из "Двенадцатой ночи"...

Шикарная и холодная — поистине взрывоопасный коктейль. Именно ради таких женщин и совершаются самые страшные преступления. Но сами они слишком хороши, чтобы снизойти до обычных человеческих чувств.
 Поэтому позволяя себе только экранные улыбки.
Вино из тупельки
 Алла Ларионовой рукоплескал знаменитый Венецианский кинофестиваль: "Мне пораженны! Русские привезли неопишимое чудо красоты. Алла неотразима!" Жерар Филип писал ей экспромты. Чарли Чаплин предлагал сниматься в его картинах. А Мэри Пикфорд поинтересовалась, каким кремом для кожи пользуется славянская красавица.
 — Это все молодость, мадам! — улыбнулась краешками губ актриса.
 Рассказывали, что она принимает ванну из шампанского и верблюжьего молока, что мужчины борются за право выпить вина из ее тупельки. Со всей страны в столицу стекались письма с надписью: "Москва, Ларионовой" — и находили своего адресата.

Последние годы жизни она лихачила на автомобиле, много курила, носила на руке красную шерстяную нитку от сглаза. Крестилась в Иерусалиме. Раздала множество интервью, но так и не села за собственные мемуары: "Не хочу лукавить!"
Проклятье богов
 Старый актер барахтается в своих воспоминаниях, словно несмышленный мальчишка, задумавший одолеть опасную, широкую реку...
 — Аллочка и Колька выбивались на курсе — лучше всех были, правдивее. Они взяли от жизни все что можно. Прослави-

Рыбников и Захарченко: дружба навек.

Фотопортрет Ларионовой положили начало коллекционированию открыток с изображением киноактрис. Во дворах проводились конкурсы красоты: среди победительниц обычно значились и Наталья Фатева, и Любовь Орлова, и Элина Быстрицкая...
 Но первое место всегда оставалось за Аллой.
 Ларионовой стала символом послевоенной эпохи, изголодавшейся по пышным нарядам, веселым и беззаботным мелодиям, чувственным женщинам. Свою тоску по мирной жизни люди переносили на экран.
 Однако в реальной жизни первая советская кинокрасавица не казалась такой уж счастливой.
 Она долго оставалась одна. Ей приписывали романы с Александром Вертинским, Иваном Пырьевым, Григорием Александровым... И везде, где бы она ни снималась, ее находили телеграммы от Николая Рыбникова: "Люблю. Целую. Пью за твоё здоровье!"
 В конце концов он победил.
 Их свадьба в Минске, состоявшаяся в январе 1957 года, была очень скромной. На регистрации Алла отказалась взять фамилию мужа: "Я уже известна как Ларионовая".
 На гастролях в провинции их с Рыбниковым встречала ликующая толпа. Приходилось прятаться от поклонников, которых разогнала конная милиция: "К нам относилась, как к Ленину и Крупской!" — любила вспоминать Алла Дмитриевна.
 — Наверное, главным в муже для меня было то, что он однолюб! — позже признавалась она журналистам. — Я всегда была для него лучше всех.
 Рыбников бросался на любовь, что посмел хоть словом задеть честь жены, касался ее прошлого.
 А потом пришли 60-е... И надменную Оливию сменила тоненькая Ассоль, тоскующая по алым парусам, — новый секс-символ Анастасия Вертинская.
 У Ларионовой родились две дочери — Арина и Алена. Она распорядилась, ее почти перестали снимать — и порой семья неделями сидела без копейки.
 Рыбников панически боялся старости и ненужности. Но продолжал считать, что ему страшно повезло в одном: рядом было его домашнее божество, его Алла.
 Осенью 1990 года, немного не дотянув до 60 лет, Рыбников скоропостижно умер от инфаркта. Почти одновременно с этим Ларионовой получила звание народной артистки России.
 Последние годы жизни она лихачила на автомобиле, много курила, носила на руке красную шерстяную нитку от сглаза. Крестилась в Иерусалиме. Раздала множество интервью, но так и не села за собственные мемуары: "Не хочу лукавить!"

Жену свою, Валентину, Вадим Викторovich встретил на съемках "Тихого Дона". Безумно в нее влюбился. Валентина была намного моложе мужа и внешне слегка походила на юную Ларионову. Вскоре у них родилась дочь Наталья. Валентина умерла молодой, от рака.
 — Увлечения потом на съемках были. Ну как же без них?.. В экспедициях все друг с другом живут. В кино я чаще играл отрицательных героев, франтов. А в жизни меня женщины обожали. Я ведь по натуре добрый. Сознательно никому зла не делал. Я всегда любил красивых женщин. Да они все красивые, когда их любят.

Скоропостижную смерть Аллы он перенес тяжело. До сих пор не верит, что ее нет, — так ему легче.
 — Последние годы Алла сильно переживала, что постарела, подурнела. "Я ведь почти не изменилась?.." — так она меня спрашивала. Я врал, не хотел ее пугать, — Захарченко качает головой. — Вот и нет больше нашего треугольника. И Коля ушел, и Аллочка... Один я остался. Пока Колька был жив, мы с Аллочкой не встречались. Потом, после его смерти, часто виделись, врать не буду.
 Она подошла к нему на съемках "Колеса истории": "Я ведь тебя тогда долго еще любила. Даже когда выходила замуж за Николая. Если бы ты приехал за мной тогда в Минск, в 57-м году, и увел из-под венца... я бы за тобой пошла!"
 — Так что же ты не позвонила? — усмехнулся Вадим.
 — А ты бы все равно ко мне не приехал...
 По вечерам Вадим Викторovich смотрит старые советские фильмы. Их у него целая коллекция. Он не может сдержать слез, когда видит, как увозят в неведомое сани юную Аллочку Ларионову — чеховскую "Анну на шее".
 Или когда худенький парнишка догоняет кружащиеся в танце листы бумаги. А за окном — начало лета и в сиреневой дымке сады.
 Многозначие, как сказал бы киноведец Рыбников в "Весне на Заречной улице", — это вовсе не конец истории, не конец любви. Кажется, что впереди еще так много...
 — В начале жизни мы стоим в дальних концах очереди, а потом все ближе и ближе к смерти подбираемся, — вздыхает Захарченко. — Вот и нет впереди меня никого. Скоро мой черед настанет. Все с собой заберу — и поцелую, и любви, и старые грехи... Может, поэтому я и решил сейчас о нас с Аллой рассказать. — Он говорит так, как будто она еще может его услышать.
 — Но сколько бы мне еще ни осталось, я всегда буду помнить о ней. Я ведь... соврал тогда, в двадцать лет, сказав, что разлюбил.

Алла Ларионовой стала символом послевоенной эпохи.

Одно скажу наверняка: со мной она не стала бы той самой Ларионовой. Это была бы другая история, другая жизнь. Может, оно и правильно, что не сложилось...
 ...Почти полвека назад Александр Вертинский подарил Алле Ларионовой пророческий автограф: "Помните, что Вы обречены... И поэтому не разглашайте себя мыслями об одиночестве. Актер — всегда один... Но зато он Бог! А боги всегда одиноки!"
 Человек живет потерями. Достает из колоды карту. И всегда недоволен выбором. И всегда сожалеет, что попытка была всего одна. Слово былинный витязь на распутье, мечется, выбирая между любовью и ненавистью, правдой и ложью, всенародной славой и личным счастьем: "Налево пойдешь — коня потеряешь, направо пойдешь — себбя потеряешь, прямо пойдешь..."
 И только первая любовь не имеет альтернативы. Даже если вкус ее был горьким. Как слезы.
 "Старая любовь не ржавеет!" — произнесла актриса накануне своей смерти.
 Кого она имела в виду? Вадима? Николая?
 Екатерина САЖНЕВА.

Рыбников и Захарченко: дружба навек.

Алла Ларионовой стала символом послевоенной эпохи.

Ларионовой Алла

01.07.00